

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ: ДИАЛЕКТИКА «ОДНОГО» И «ИНОГО»

Кузнецов И.В.

Новосибирск

Аннотация. Основным предметом рассмотрения являются связи между фольклором и литературой на примере древнерусской письменности и народной словесности.

Ключевые слова: фольклор, древнерусская письменность, народная поэзия, метадискурс, логос.

Анотация. Кузнецов І. В. Давньоруська писемність і народна поезія: діалектика «одного» та «іншого». Центральним предметом розгляду є зв'язки між фольклором і літературою на прикладі давньоруської писемності і народної словесності.

Ключові слова: фольклор, давньоруська писемність, народна поезія, метадискурс, логос.

Summary. Kuznetsov, I. V. Ancient Russian Writing and Folk Poetry: Dialectics of 'One' and 'Other'. The subject matter of the research is some issues of interconnectedness between folks and literature in the ancient Russian writing and folklore.

Key words: folklore, ancient Russian poetry, metadiscurs, logos.

Соотношение понятий «словесность», «литература», «народная поэзия» было предметом научной рефлексии с начала XIX века, со времени первых разысканий по истории русской словесности. Помимо письменной литературы, в зону этой рефлексии попадала и «народная словесность», то есть бесписьменные памятники. В начале XX столетия эти памятники оказались выключены из предметной области науки о литературе¹ и отнесены к предметной области, получившей наименование «фольклор». Наука о словесности, таким образом, распалась на литературоведение и фольклористику.

Для своего времени такое разделение было естественным. Оно позволило дифференцировано подойти к разным этапам и аспектам литературного процесса, а также уяснить специфику народного творчества относительно литературного. Однако сегодня актуализируется задача понимания предметов, относящихся к области слова, в их единстве и в исторической перспективе. Поэтому возникает потребность вернуться к понятийной рефлексии прошлого и заново пересмотреть имеющуюся терминологию, исходя из интуиции словесности как диахронически становящегося целого.

1. Использование термина «фольклор» оказывается затруднительным по двум причинам. Во-первых, потому, что его понятийное содержание остается дискуссионным. Предмет фольклористики в одних подходах ограничен устной словесностью определенных, пришедших из

средневековья жанров (В.Я. Пропп², В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев³); в других, рассматривающих фольклор как живое явление, включает также тексты и жанры исторически недавнего времени, вплоть до современности (Б.Н. Путилов⁴, К.А. Богданов⁵, С.Б. Адоньева⁶); в третьей группе подходов, особенно популярной за рубежом, к фольклору относится едва ли не весь этнографический материал культуры (К. Леви-Стросс⁷).

Во-вторых, содержание этого термина формировалось на протяжении лишь последнего столетия и первоначально на европейской почве. В силу такого обстоятельства оно явно или имплицитно несет в себе интуицию противопоставления с академическим искусством, в свою очередь связанным с греко-римской традицией. Конечно, не все трактовки термина исходят из оппозиции «искусство / не-искусство». Однако фоновая интенсивность этой оппозиции достаточно велика, причем особенно тогда, когда фольклор понимается как вербальная культура – а именно такое понимание господствовало на протяжении полувека в советской науке. Между тем эта оппозиция оказывается нерелевантной, когда речь идет о средневековой культуре, в которой понятие искусства как искусства отсутствовало.

Обращение с материалом древнерусской словесности вынуждает исследователя избирательно относиться к используемому научному аппарату. Коррелятивная пара выглядит как «*древнерусская письменность / народная поэзия*»; и лишь на этапе Нового времени, в связи с появлением литературы в ее современном понимании, оказывается возможным противопоставлять последней такой феномен, как фольклор – «слово, ставшее *преданием* (т. е. традицией) и в этом своем качестве закрепившееся в народном сознании»⁸.

На протяжении всего XIX века отношения письменности, или литературы, и народной поэзии оставались предметом переосмысления. В большой степени оно было связано с вопросом о стадильности этих отношений.

2. Так, в первом специальном пособии, принадлежащем перу Н.И. Греча, дано определение: «*Литературою* языка или народа называются все его произведения в словесности, то есть творения, писанные на сем языке, стихами или прозою»⁹. Как видно, Греч отождествлял понятия «литература» (то есть письменность) и «словесность». В своем учебнике Греч следовал историческому принципу: он рассматривал словесность русского народа в непосредственной связи с его историей, так что сначала пересказывался раздел истории, а затем, параллельно с ним, приводились данные о состоянии словесности в рассматриваемый период.

Говоря о дохристианской эпохе, Греч сделал констатацию, саму по себе забытую (как и учебник, со временем воспринимаемый в качестве анахронизма), но смысл которой отзывался в науке неоднократно: «Сие отделение нашей истории не имеет никакого памятника собственно

Словесности Русской. Некоторые народные песни наши, в которых упоминается о божествах языческих, о пирах Владимира, о богатырях его времени, сочинены, может быть, в то время, но до нас они дошли уже не в первоначальном своем виде, а искаженные изустным преданием в продолжение веков»¹⁰.

Учебник Греча, хотя по самой сути своей экспериментальный, послужил в дальнейшем основой, на которую опирались ближайшие по времени поколения исследователей: таких, как А.Г. Глаголев, В.Т. Плаксин, М.А. Максимович, С.П. Шевырев.¹¹ Все эти исследователи, продолжая исторический подход и постепенно двигаясь в сторону эмансипации словесности от истории, стремились поставить устную словесность на хронологически первое место.

А.Г. Глаголев констатировал, что «искусственной нашей Поэзии, как и всякой другой, предшествовала естественная или *народная*»¹² – и очень подробно рассматривал жанры народной поэзии, разделяя их по родам (лирическая, лиро-эпическая), по тематике (богатырские повести и «стихи», под которыми подразумевались стихи духовные), а также по обрядовой функции (хороводные).

В.Т. Плаксин также ставил в начале выделяемого им первого периода («языческой» литературы) «древнейшие изустные песнопения и предания»¹³. Во втором периоде, отмеченном «преобладанием христианской литературы над языческой», в начале его, он видел раздвоение на «духовную» и «языческую» отрасли литературы. Первая была принесена священниками, получившими греческое образование. Они «создали у нас новый род литературы, в коем они подражали христианско-греческим писателям... Сия отрасль литературы, которая может называться *духовною*, в продолжение сего периода более и более утверждалась, теряя мало-помалу все чуждое нам»¹⁴. Вторая «отрасль» – «языческая». «Но как дух внутренний и сросшиеся с ним верования все еще оставались в народе, и как являлись гении, не получившие школьного образования, и обладаемые сим духом, пели свободно, то по временам раздавался голос прежней народности, прежнего песнопения»¹⁵. – Надо заметить, что примеров этого «прежнего песнопения» автор «Руководства» не привел, так что само их существование оставалось только умозрительным.

Следом за названными авторами, и М.А. Максимович находил «богатырские песни» более древними, нежели письменные памятники, относя их к эпохе дохристианской словесности.¹⁶ И в «Истории русской словесности» С.П. Шевырева «песни о витязях», то есть былины, предвзвывают переход к разговору о христианской книжности.¹⁷

Несколько особняком в своем времени стоит историко-литературная концепция В.Г. Белинского. Белинский соотносил понятия «словесность», «письменность», «литература». У него они предстают, в гегельянском духе,

как три этапа в становлении «народного сознания, выражающегося в слове» – и, соответственно, как концентрические все более специфицированные области: если словесность – это «все, что находит свое выражение в слове», письменность – допечатные памятники, то литература – это «словесность народа, исторически развившаяся и отражающая в себе народное сознание»¹⁸. При этом «поэзия, не возвысившаяся на степень искусства, художества, принадлежит к области словесности, а не литературы. Такая поэзия называется *народною*»¹⁹. Место, которое отводилось критиком народной поэзии в понятийном соотношении с другими основополагающими литературоведческими категориями: это поэзия до-художественная, и принадлежит она к области словесности.²⁰

Как видно, изначальная интуиция системности народной поэзии и письменности обусловила внимание к их генетической стороне.²¹ Генетический подход, если понимать его как простое выстраивание хронологического ряда, действительно, показывает историческую первичность народной поэзии по отношению к литературе (письменности) внутри целого словесности. Исходя из этой первичности в XIX веке и строились первые истории русской словесности, претендующие на полноту охвата материала.

Этот же подход сохранялся в XX столетии, например, у В.Я. Проппа, который в 1930-е годы писал в статье «Специфика фольклора»: «Фольклор – это лоно литературы, она рождается из фольклора. Фольклор представляет собой доисторию литературы. Вся литература народов данной стадии (периода начала письма – *И.К.*) может и должна изучаться на базе фольклора»²². Как видно, ученый определенно придерживался той точки зрения, что фольклор (тракуемый Проппом как устная словесность) – это предыстория литературы.

3. Однако такой подход был не единственным. Мы уже приводили замечание Н.И. Греча о том, что памятники устного словотворчества, с которыми имеет дело исследователь в новое время – это не та форма народной словесности, которая действительно предшествовала возникновению письма, а сравнительно *поздняя* форма. Это замечание некоторое время спустя обнаружило свою методологическую значимость. В конце XIX столетия А.Н. Пыпин высказался в подобном духе, но более развернуто. Прямо начав свое изложение с вопроса, «где поставить ее (народной поэзии – *И.К.*) памятники в историческом ряду литературного развития», он подверг сомнению только что показанный нами «обычай начинать историю литературы с памятников народной словесности, которые являются таким образом как бы основой, исходным пунктом этой истории»²³. Народная словесность и литература при этом предстают как стадияльно сменяющие друг друга разновидности словесного творчества – как если бы появление последней «сняло», в гегелевском смысле,

актуальность первого. Пыпин отмечал, что такой подход может выглядеть справедливым в том случае, если «литература в самом деле развивалась последовательно из своих народных стихий»²⁴ – то есть в литературах «первого поколения»²⁵.

На российской же почве, как известно, дело обстояло иначе. Литература, то есть книжность, была принесена в виде готового корпуса переводных текстов, и на первых порах, как справедливо отмечал Пыпин, оказалась автономнее, чем народная словесность. Степень этой автономности, возможно, покажется не столь велика, если вести речь специально об оригинальной письменности, которая с самого начала содержала в себе конструктивные элементы народной поэзии.²⁶ Но и народная поэзия, как показал А.Н. Пыпин, испытала немедленное влияние со стороны книжности и продолжала испытывать его на протяжении всех веков их сосуществования. Ближайший пример, позволяющий в этом убедиться – то, что в былинах появляются значительные элементы христианской образности и мотивировок.²⁷ П.Н. Богатырев справедливо констатировал, что при всей разнице «литература и устное поэтическое творчество тесно переплелись в своих судьбах, их взаимное влияние было постоянным и интенсивным, фольклор часто обращался к литературному материалу и, наоборот, литература – к фольклорному»²⁸.

А.Н. Пыпину свойственно было преувеличивать не только автономию книжной культуры, но и степень агрессивности ее по отношению к народной словесности. Ср. у него такие резкие заявления: «Народная поэзия была изгнана из книги, была запрещается и проклинаема»²⁹. Ученый абсолютизировал в соотношении книжности и устной словесности значение первого начала. Но справедливым представляется следующее его суждение. «Очевидно, что, ставя эту позднюю форму народной поэзии во главу историко-литературного построения, мы производим смешение явлений и нарушаем историко-литературную связь и последовательность: *до* книжной литературы ставится явление, образовавшееся между прочим из элементов этой же книжной литературы... и наоборот, *после* ставится книжная литература, возникшая вне всяких ее влияний.»³⁰

Таким образом, методологическое сомнение, обнаружившееся уже у самых истоков российской историко-литературной рефлексии, у Н.И. Греча, обернулось выводом, которого сам Греч по понятной причине (невключение народной поэзии в состав предмета) не делал: что постановка устного народного творчества в систематической истории литературы в качестве первого ее раздела является неправомерной.

Это суждение в XX столетии нашло подтверждение в трудах ведущих ученых, занятых вопросами народной словесности. П.Г. Богатырев, Б.Н. Путилов специально настаивали на обязательной вариативности фольклорного исполнения, в силу чего трансформация произведения

оказывается неизбежной.³¹ Таким образом, подтверждается мысль о вторичности имеющегося у современного исследователя материала. Как видно, стадиальный, генетический подход, когда народная словесность видится как ступень, предшествующая литературе, по меньшей мере, недостаточен, он не позволяет понять в полной мере характер отношений народной поэзии и литературы. «Мы не вправе в угоду генетической точке зрения упразднить принципиальную разницу между устным поэтическим творчеством и литературой»³², – писал П.Г. Богатырев.

4. Представляется, что сам вопрос об этих отношениях должен быть поставлен более объемно. Дело в том, что историк (в том числе и историк словесности) видит свой предмет в хронологически развернутой модальности. Ср.: «Фольклорист, так же как и историк, превращает прошлое в повествование»³³ – это одна из центральных эпистемологических установок современного гуманитарного теоретизирования. Между тем предмет обладает также и рядом структурных характеристик, которые определяют сам способ его разворачивания. Такие характеристики существуют в виде набора категориальных оппозиций. Для рассматриваемого этапа существования русской словесности релевантной парой является «народная поэзия / письменность».

Эту оппозицию необходимо прежде всего увидеть в абсолютной, чистой протигвопоставленности ее членов как таковых. Они должны быть помыслены не стадиально, а абсолютно статически и абстрактно. Конечно, это логическая условность, но на данном этапе она необходима. Если стремиться к максимальной, феноменологической абстракции, то правильнее всего было бы представлять письменность и народную поэзию на момент встречи *вообще* автономными явлениями, которые, однако, таковыми не остались и немедленно вступили во взаимодействие.

Всякий феномен, всякая становящаяся сущность нуждается в своем ином, в некоем инобытии как условию собственного становления. Так становление письма необходимо совершалось в противостоящей ему среде того, что не было письмом как таковым, но было некоторым образом письму сродни. Этой средой и была устная словесность. Тот модус, который их роднит – словесная природа: в силу общей принадлежности к словесности между письмом и народной поэзией могли существовать отличия.

Очевидно, что и произведения народной поэзии, и произведения, зафиксированные на письме, в равной мере есть произведения словесного творчества³⁴. При этом ни народная поэзия, ни письменность не могут быть определены сами в себе, без взаимной корреляции. Д.С. Лихачев справедливо отмечал, что в русской словесности «до XVII в. систему литературных жанров мы не можем рассматривать как самостоятельную. Она дополнялась системой жанров фольклора»³⁵. Исходным пунктом всякого теоретического суждения о письменности и народной поэзии как таковых должно быть

сознание взаимодополнительности этих двух видов словесного творчества. И лишь на основе сознания их единства в становящемся целом словесности оказывается возможным их принципиальное различие, упорядочивание предметных полей внутри словесности.

За противопоставлением письменности и народной словесности стоит диалектическая оппозиция «*одного*» и «*иного*», логоса сущности и логоса меона.³⁶ Сущностная сторона логоса словесности была сконцентрирована в письменном слове, смысловой состав которого в дальнейшем определил направление семантического разворачивания словесности и создал его потенциал. Меональная сторона – «иное» по отношению к сущности, в среде которого эта сущность обретала становление – была представлена народной словесностью. Эти две разновидности словесности на протяжении веков выступали как два диалектически взаимодействующих начала, в соотношении которых она и становилась как целое. При этом именно появление письма актуализовало, в диахронической перспективе, статус народной поэзии как «своего другого».

Эта диалектическая оппозиция закономерно может быть рассмотрена в контексте смежных категорий, распространяющихся на всю культуру в целом: не потому, что дальнейшее становление словесности необъяснимо без привлечения внефилологического материала, а потому, что подобный контекст помогает яснее увидеть смысл самой оппозиции. Итак, прежде всего установим, что создает оппозицию: это категория письма. *Письмо лежит в основе оппозиции «литература (письменность) / народная словесность»*. Эта оппозиция актуальна до тех пор, пока народная поэзия не становится предметом целенаправленного собирания и записывания, то есть до Нового времени.

В культурной функции особенность средневековой письменности та, что она социально ангажирована, она стремится «остановить», закрепить слово в качестве предмета собственности за какой-то из социокультурных групп. В народной же поэзии слово существует объективно и традиционно, и может быть вызвано к жизни любым носителем языка. Когда в конце 1920-х П.Г. Богатырев и Р.О. Якобсон задались вопросом о специфике народного творчества, то для них моделью отношения между «фольклором» и «литературой» стала сосюрювская пара «langue / parole». «Подобно langue, фольклорное произведение внелично и существует только потенциально, это только... канва актуальной традиции, которую исполнители расцвечивают узорами индивидуального творчества, подобно тому как поступают производители parole по отношению к langue.»³⁷ Приблизительно в то же время аналогичным образом высказался В.Я. Пропп: «Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком»³⁸. Поэтому оппозиция письменности и народной поэзии сохраняла актуальность на протяжении средневекового периода,

когда письменность была непосредственно связана с государством и церковью; и стала «мутировать» в переходный к Новому времени период, когда официальная монополия на письменное слово оказалась утраченной.

Связь с государством и церковью определила характер древнерусской письменности. «Большинство древнерусских писателей, в отличие от народных поэтов, в гораздо большей степени отразили в своем творчестве воздействие морально-философской теории христианства»³⁹. С другой стороны, в оригинальной письменности одновременно всегда присутствовала еще идея местного патриотизма⁴⁰. Вместе эти две идеи – христианская и патриотическая – формировали сущностную смысловую основу ранней русской письменности. Это была «дневная поверхность» литературы. Инобытием по отношению к ней выступала «ночная» культура: до-церковный и внецерковный быт⁴¹. Развитие словесности есть процесс становления разумной сущности в инобытии, диалектическое самополагание *одного* в *ином*. *На раннем этапе оформления духа* (Киевская Русь) сущность утверждает свое бытие; *логос сущности ценностно доминирует над логосом меона*. Имеется, значит, три оппозиции, члены которых соотносятся как «одно» и «иное», и которые на начальном этапе становления русской словесности друг другу соответствуют:

	«одно»	«иное»
Логос	сущности / меона	
Культура	дневная / ночная	
Словесность	письмо / народная поэзия	

Ранняя русская словесность представляла собой смысловое поле, на котором церковнославянское письмо являлось ценностно маркированной зоной. Вопрос о типологически подобных обстоятельствах в других христианских культурах остается открытым и может рассматриваться отдельно⁴².

5. Целесообразность понимания письменности и народной поэзии при помощи категориальной пары «одно / иное» проявляется при постановке задачи моделирования логоса словесности как целого, как диахронического метадискурса. Актуальность этой задачи обусловлена тем, что в науке сохраняется семантический разрыв между древнерусской письменностью и литературой Нового времени. В то же время факты многочисленных связей и перекличек в произведениях этих двух периодов не позволяют предположить исчезновения традиции. Следовательно, названный разрыв требует преодоления. Оно становится возможным при подходе к словесности через призму риторики, понятой, в духе XX столетия, как учение о коммуникативном взаимодействии⁴³. Единство коммуникативных стратегий, действующих в словесности, создает перспективу непротиворечивого смыслового объединения литературы древнего и нового периодов.

Предметом изучения может быть дискурс отдельного произведения словесного творчества. В нем действуют внутренние стратегии жанрообразующего характера. Но можно рассматривать и предмет

макроуровня – метадискурс народної словесності як цілого. Іменно його риторическіе стратегії дають повод зв'язувати різні періоди літературного процесу.

Однако этот предмет, в отличие от конкретного произведения не будучи данным эмпирически, подлежит конструированию. Диалектический метод позволяет построить смысловую схему – модель метадискурса. Поскольку речь идет о христианской культуре, принятием которой обусловлено возникновение письменности в Киевской Руси, то сущность этой смысловой конструкции – *одно* – заключается в письменности, а ее инобытие – *иное* – в народной поэзии. Различные модальности *становления* одного в ином и есть риторические стратегии метадискурса.

Таким образом, рассмотрение письменности раннего периода и устной поэзии как диалектической пары одного и иного открывает путь к постижению закономерностей функционирования литературного процесса в его диахроническом единстве.

Література:

- ¹ Обособление письменности как предмета ясно видно в работе А.А. Смирнова: Смирнов А.А. Пути и задачи науки о литературе // Литературная мысль. Вып. II. – Пг., 1923. – С. 91-109.
- ² «Под фольклором понимается только *духовное* творчество, и даже уже, только словесное, поэтическое творчество.» – Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М., 1976. – С. 17.
- ³ См.: Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – Л., 1974; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы. – Т.1. – Л., 1987.
- ⁴ «Укрепляется взгляд на фольклор как явление культуры, существующее на всем протяжении истории человеческого общества, протягивающееся от первобытности до современности». – Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. – СПб, 2003. – С.56.
- ⁵ См.: Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб, 2001.
- ⁶ См.: Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. – СПб, 2004.
- ⁷ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1983.
- ⁸ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – С.48.
- ⁹ Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. – СПб, 1822. – С. 3.
- ¹⁰ Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. – С. 20-21.
- ¹¹ См.: Глаголев А.Г. Умозрительные и опытные основания словесности: В 4 ч. – 2-е изд. – Ч.4: План истории русской литературы. – СПб, 1845; Плаксин В.Т. Руководство к познанию истории литературы. – СПб, 1833; Максимович М.А. История древней русской словесности. Кн. 1. – Киев, 1839; Шевырев С.П. История русской словесности. Изд. 2-е. – Ч. 1. – М., 1859.
- ¹² Глаголев А.Г. Умозрительные и опытные основания словесности. – С. 59.
- ¹³ Плаксин В.Т. Руководство к познанию истории литературы. – СПб, 1833. – С. 86.
- ¹⁴ Плаксин В.Т. Руководство к познанию истории литературы. – С. 106-107.
- ¹⁵ Плаксин В.Т. Руководство к познанию истории литературы. – С. 107-108.
- ¹⁶ См.: Максимович. М.А. История древней русской словесности.
- ¹⁷ См.: Шевырев С.П. История русской словесности.
- ¹⁸ Белинский В.Г. Общее значение слова литература // Белинский В.Г. Избранные

сочинения. – М.-Л., 1949. – С. 267-268.

¹⁹ Белинский В.Г. Общее значение слова литература. – С. 274.

²⁰ Заметим, что здесь Белинский очевидно опирается на опыт именно русской словесности, в которой появление книгопечатания совсем недалеко отстояло от появления «художества».

²¹ Это и естественно: фольклор и литература относятся к «органическим» предметам, в применении к которым справедлив генетический подход. – О специфике «органических» предметов мысли см.: Щедровицкий Г.П. Замечания к проблеме происхождения языка // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., 1995. – С. 302-303.

²² Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – С. 31.

²³ Пыпин А.Н. История русской литературы. 2-е изд. – Т. 3. – СПб, 1902. – С. 3.

²⁴ Пыпин А.Н. История русской литературы. – С. 3.

²⁵ О различии литератур «первого» и «второго» поколений см.: Аверинцев С., Андреев М., Гаспаров М., Гринцер П., Михайлов А. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3-38.

²⁶ См. об этом напр.: Адрианова-Перетц В.П. Историческая литература XI – начала XV века и народная поэзия // Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – Л., 1974. – С. 20-62; Виролайнен М.Н. Автор текста истории // Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб, 2003. – с. 84-108.

²⁷ Ср. также реплику П.Г. Богатырева, корректирующую мнение фольклористов-романтиков о якобы незначительном влиянии книжности на народную поэзию: «Только работы последующих поколений ученых показали, какую огромную роль играет в фольклоре явление, которое в современной немецкой этнографии называется “сниженный культурный фонд” (“gesunkenes Kulturgut”)». – Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – С. 376.

²⁸ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – С. 378.

²⁹ Пыпин А.Н. История русской литературы. – С. 109.

³⁰ Пыпин А.Н. История русской литературы. – С. 3.

³¹ См.: Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства; Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoiam. – Богатырев и Путилов специально настаивали на обязательной вариативности фольклорного исполнения, в силу чего трансформация произведения оказывается неизбежной.

³² Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – С. 378.

³³ Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. – С. 32.

³⁴ Определение «произведения словесного творчества» как научного предмета см.: Кузнецов И.В. О предмете исторической риторики // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005.

³⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. – Т.1. – Л., 1987. – С. 318.

³⁶ Диалектический принцип взаимодействия категорий в становлении предмета мысли как «единичности подвижного покоя самотождественного различия» был подробно изложен А.Ф. Лосевым в его работах 1920-х гг. Опираясь на античный опыт, Лосев конструирует тетрактиду – категориальную схему, состоящую из четырех начал и гипостазирующую разумное бытие всякого предмета и понятия. Эти четыре начала – *одно* (сущность), *иное* («меон»), *становление* одного в ином и наличность *факта*, несущего на себе всю полноту диалектики. Одно и иное соотносятся как тезис и антитезис, синтезируются в становлении и существуют как факт. – См.: Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990; Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – Стиль –

Выражение. – М, 1995.

- ³⁷ Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – С.374.
- ³⁸ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – С. 22.
- ³⁹ Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – С. 8.
- ⁴⁰ См.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. – М.-Л., 1945.
- ⁴¹ Различение «дневной» и «ночной» культур как форма двоеверия было показано Г.В. Флоровским в работе: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Париж, 1937. Аналогичной терминологией пользовался Д.С. Лихачев, когда в том же смысле говорил о «дневной поверхности» литературы. – См.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – С.277.
- ⁴² Ср. здесь современное исследование о роли книгопечатания, произведшего переворот в европейской культуре и, напротив, создавшего тенденцию сближения литературы со словесностью в целом: Шартье Р. Письменная культура и общество. – М., 2006.
- ⁴³ Обзор истоков и содержание новой риторики как учения о коммуникации сделан в статье: Тюпа В.И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. – Вып. 7. – Новосибирск, 2004.

Надійшла до редакції 29.01.2007